

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: РЕКТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ДЖ. КОУЛ

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ (фрагменты)¹

Джордж Коул (1889-1959) — английский историк, социолог, экономист, деятель лейбористского движения. Большинство своих работ посвятил истории рабочего движения в Великобритании и социальным проблемам капитализма. На русский язык переведена одна из таких работ — «Капитализм в современном мире» (издано с грифом «Для научных библиотек» в 1958 г.).

Как социальный теоретик Джордж Коул известен гораздо меньше, хотя вполне правомерно утверждать, что он был одним из первых ученых, серьезно занимавшихся проблемами социальной теории. Его монография «Социальная теория» (или, в поздних изданиях, «Введение в социальную теорию») выдержала несколько изданий (1920, 1923, 1951) в Великобритании, что позволяет говорить о высоком качестве этой работы.

Читателям журнала «Личность. Культура. Общество» предлагается перевод первой главы второго издания этой книги, вышедшей в Лондоне в 1923 г.

Эта глава под названием «Формы социальной теории» излагает взгляд Джорджа Коула на специфику социальной теории. Для этого английский ученый берет отправной точкой работу французского мыслителя Ж.Ж. Руссо «Social Contract», которую на русский язык традиционно принято переводить как «Общественный договор». Однако в интерпретации Коула перевод названия работы гораздо лучше звучит как «Социальный контракт». Социальный контракт между индивидом, ассоциациями и государством, в конечном счете и составляющий общество, по мнению Дж. Коула, — и есть основной предмет социальной теории. Вот почему предмет социальной теории им определяется следующим образом: «Социальная теория не рассматривает абсолютно все поступки индивидуумов, но, главным образом, те из них, что являются согласованными и скоординированными между собой, и те, которые приводят к созданию стабильных или нестабильных по своей организации социальных групп, а также те поступки таких групп, которые воздействуют на отдельных индивидов или противодей-

¹ Перевод выполнен по книге: Cole J. Social Theory. London, 1923. P. 1-21.

ствуют им» (см. ниже). Другое определение специфики социальной теории звучит еще более лаконично: «Предмет социальной теории есть поведение ассоциативного человека» (см. ниже).

Дж. Коул указывает на три основных пути, по которым можно вести исследование в области социальной теории: во-первых, это сравнительно-исторический анализ различных социальных институтов; во-вторых, социально-психологическое изучение поведения ассоциативного человека; и, наконец, в-третьих, поиск неких универсальных философских (нормативных) принципов, благодаря которым люди объединяются в ассоциации. Помимо того, возможны и второстепенные пути, включая, например, исторический метод.

Работа Дж. Коула интересна, в первую очередь, тем, что предлагает интерпретировать «социальную теорию» с акцентом на определение «социальный», или, иначе, как теорию, призванную объяснить сам феномен социального в обществе. И хотя, вероятно, с современной точки зрения, эта проблема более попадает в разряд «социально-философской», чем «социально-теоретической», сама точка зрения английского исследователя вполне заслуживает того, чтобы быть услышанной.

Люди не просто создают свои сообщества — они рождаются в них и там производят себе подобных. Каждый индивид со своего рождения вовлечен в определенное социальное окружение, и весь его жизненный пот проливается для того, чтобы улучшить условия существования для себя и своих родных. Как по мере его взросления более зрелым становится его сознание, так постепенно расширяется его социальная среда. Он становится равноправным членом своей семьи, которая снабжает его первым социальным опытом. В то же самое время он познает обширные масштабы окружающего его мира, который зовет человека совершить дальние странствия, и мира, который становится ему добрым другом, сходным с миром домашнего очага. По мере того, как индивид становится старше, сам факт социальной организованности мира становится ему всё более очевидным, а школа, церковь, клуб и другие социальные институты всё более и более предьявляют права на этого индивида и становятся составной частью его жизни. Со временем, достигая зрелости, личность жадно впитывает в себя мир в контексте его ассоциаций и отдельных индивидов, обычаев и институтов, прав и обязанностей, удовольствий, страданий, желаний, надежд и страхов, стремлений и попыток понять ту силу, что движет этим миром, осознать вопрос о своем месте в этом мире и об отношении к нему.

Конечно, этот процесс бывает различным в отношении разных индивидов, групп и классов. К настоящему времени мужчины, например, гораздо охотнее вступали в контакты с другими мужчинами, чем, к примеру, с женщинами, чей социальный опыт не позволял расширять свободу в ее традиционном мужском понимании. Опять же, потенциальные возможности бо-

гаты и лучше образованных классов для контактов с внешним для себя миром всегда были гораздо полнее, чем у простых рабочих или низшего слоя среднего класса. Рабочие, однако, через свои профсоюзы, клубы и другие учреждения делили с высшими классами то, что большей частью отрицалось низшей частью среднего класса, — возможность свободного приобщения к публичному объекту и логически организованное оценивание (consequent appreciation) внешнего мира в его социальных качествах. Профсоюз (The Trade Union) как социальный институт есть эквивалентный ответ рабочего класса на учрежденные высшим классом для себя общественные школы и университеты, которые сами по себе есть институты не только образования, но и соответствующей социальной подготовки в качестве правящей касты.

Большинство мужчин и женщин черпают свой опыт из окружающей их социальной среды способами, далекими от философии (unphilosophically). Они просто отражают и воспринимают ее такой, какая она есть. Это, однако, не делает их опыт менее правильным (real), — точно так же, как и любую иную часть их ментальности. Они рождаются в трудном для их понимания обществе, и естественным образом это общество становится частью их жизни, как бы входит в их мировоззрение — *Weltanschauung*, как оно трактуется в немецкой традиции философствования.

Задача, которая стоит передо мной в этой книге, должна быть представлена в моем понимании как анализ социального содержания этого *Weltanschauung* обычного, ординарного человека, но, конечно, не замыкающегося в себе, а пытающегося скомбинировать различные варианты социального опыта и соорудить из них одно взаимосвязанное, последовательное целое. Что представляет собой содержание нашего социального, общественного опыта — в смысле взаимодействия между различными фрагментарными индивидуальными опытами, а также контактами между собой индивидуумов, ассоциаций и институтов — того опыта, с которым мы ежедневно имеем дело в обществе? Что, если трактовать проблему совсем вкратце, есть структура общности, частично организованной и частично сознаваемой ее субъектами (the half-organized and half-conscious community), в формировании которой мы также принимаем участие?

Возможно, последний вопрос является слишком объемным и включает в себя анализ целей, которые находятся в головах субъектов. Но я не подразумеваю под этим *весь* опыт, я имею в виду только социальный опыт. Социальная теория не рассматривает абсолютно все поступки индивидуумов, но, главным образом, те из них, что являются согласованными и скоординированными между собой, и те, которые приводят к созданию стабильных или нестабильных по своей организации социальных групп, а также те поступки таких групп, которые воздействуют на отдельных индивидуумов или противодействуют им. Дезорганизирующее, стихийное, выпадающее из общего потока поведение отдельных индивидуумов всегда будет находиться лишь на заднем

плане нашего исследования, и будет рассматриваться как побочная линия к главному вектору поведения социально организованных личностей.

Даже с этим ограничением область, которую я исследую в этой книге, может показаться другим людям слишком широкой. Социальная теория, особенно если к ней применяется подход как к «политической теории», весьма часто рассматривается как имеющая дело лишь с одной специфической организацией — «государством», и с отношением между этим государством и индивидуумом. Самая современная теория, однако, всё больше и больше продвигается к заключению, что такое определение области ее исследования ошибочно, поскольку фундаментально противоречит фактам социального опыта.

Я не имею в виду, конечно, то, что об этом нельзя вообще писать и говорить, а также проводить ясное и самостоятельное (separate) исследование природы ассоциации, называемой «государством», и пробовать уяснить отношение последнего к отдельному индивиду. Это есть, несомненно, абсолютно законное и нужное исследование. Но я совершенно отрицаю возможность всякого анализа отношений между государством и индивидуумом, которое могло бы заложить определенный фундамент для всеобщего поля (general survey) социального опыта, проведенного таким образом, чтобы оно было бы способно глубоко проникнуть в самую сердцевину вопроса о месте человека в обществе. Абсолютно неправильно будет сводить все те социальные отношения, в которых индивид участвует и которые он лично осознает, исключительно к его отношениям с государством; и еще более неправильно было бы полагать, что отношения между индивидуумом и государством обеспечивают нас всем социальным опытом или большей частью последнего.

Общество — невероятно сложная вещь. Помимо личных и семейных связей, почти каждый индивидуум, начиная с детских лет, вступает в тесные контакты с множеством разнообразных социальных институтов и ассоциаций. При этом он не только гражданин государства или субъект непосредственно внутри него самого или каких-либо локальных государственных структур; он также взаимодействует с социальным порядком посредством множества добровольных и недобровольных ассоциаций и институтов. Он может быть рабочим на фабрике или на шахте, чиновником в офисе, членом религиозной или нерелигиозной общины, членом тред-юниона или какой-либо иной профессиональной организации, кооператором или держателем земельного надела, акционером строительного общества или членом общества взаимопомощи, он может посещать клуб на Пэйл-Мэйл², проявлять разнообразный интерес к политике или бизнесу, он может быть спортсменом, связанным с каким-либо клубом, социалистом или приверженцем Дизраэли, он может иметь хобби, которое побуждает его примкнуть к той или иной ас-

² Пэйл-Мэйл (Pall Mall) — улица в Лондоне, где располагается большинство аристократических клубов.

социации людей с такими же увлечениями (tastes) или мнениями (views), которые заставляют его сомкнуться с людьми, имеющими такую же позицию. Более того, как муж, хозяин или домовладелец, он прямо вступает в контакт с социальными учреждениями, охраняющими брак и имущество, в то время как саму его жизнь можно представить в целом как конгломерат социальных обычаев и традиций со всепроникающей сферой влияния.

Никто не способен избежать постоянного контакта хотя бы с небольшим числом социальных институтов, и почти все сознают в той или иной степени многосторонность и неизбежность социальной среды, частью которой они сами являются. Семейные традиции, возможно, сильнее действуют на женщин, а публичные ассоциации — на мужчин, но среди женщин также наблюдается рост различного рода ассоциаций, который следует объяснять расширением их социального сознания.

Будучи весьма трудным с социальной точки зрения, данный вопрос требует правильного подхода с теоретических позиций. Тенденция среди политических теоретиков сводится к тому, чтобы исследовать его как результат направляющего воздействия власти или силы, точно так же как и в остиновской теории права³. Из всех форм ассоциаций и институтов, которые я упоминал, только само государство с контролируруемыми им органами, а также в некоторой степени муниципальные органы, очевидно, в наши дни располагают принудительной властью. Государство, следовательно, как определяющая верховная власть, держит в своих руках не только Его Величество Закон, но и инструменты физического принуждения, коренным образом отделяя пьедестал своего учреждения от других форм ассоциаций и трактуя *свой собственный* институт как общественный институт par excellence [по преимуществу], в то время как иные ассоциации есть корпоративные или квазикорпоративные индивиды, — точнее, признаваемые в качестве «индивидов» государством и законом, хотя совершенно очевидно, что они таковыми не являются.

Следуя этому пути, логично прийти к заключению, что классическая политическая теория трактует государство как воплощение и коллективную волю общественного сознания, акции государства как акции человека в обществе, связь между государством и индивидом как управляющую волю первого по отношению к последнему, и все вместе — как почти единственный предмет всякой мыслимой социальной теории. Но помимо государства и его деятельности такая теория должна заниматься всеми индивидами, ассоциациями и институтами безотносительно к роду их деятельности и трактовать их деятельность как социальную деятельность вне указания на ее специфичность.

Я полагаю, что вышеупомянутая ошибочная концепция предмета [социальной теории] вырастает главным образом из интерпретации человечес-

³ Джон Остин (John Austin) (1790-1859) — английский философ и юрист, один из основоположников школы «юридического позитивизма».

кого общества в терминах Силы и Закона. Всё начинается с ошибочного подхода, утверждающего, что принуждение (coercion) — это единственная сила, способная удержать человека в границах ассоциации, хотя это и не так. Совершенно иной способ восприятия этого вопроса разработан в трактате Ж.-Ж. Руссо «Общественный договор»; он основан на использовании принципа Свободной Воли (Will), а не Силы и Закона.

Если мы обозреваем общественный порядок в этом свете, то иным становится само наше мировоззрение. Не только государство, но и все другие формы ассоциации, в которых люди объединяются или соединяются вместе для выполнения каких-либо социальных задач, выражают различным образом и в различной степени волю индивидов, составляющих эти ассоциации. Различия между социальной теорией — теорией социального поведения — и этикой — теорией индивидуального поведения — сразу выявляются как различия между простым индивидуальным поступком и коллективным поступком, между непосредственным индивидуальным действием отдельной человеческой личности путем воплощения ее воли в конкретном деянии и индивидуальным действием в пользу большинства, через общество или ассоциацию. Конечно, поступок индивида может быть точно «социальным» по его содержанию и цели как поступок «общества» или «группы». Но это уже иной случай: существенное заключается в том, что выраженные в терминах воли, действия государства проявляют себя как действия любой другой ассоциации, в которой люди объединяются ради каких-то общих целей. Соответствующие сферы действия этической и социальной теории таким способом размечаются для практических целей с необходимой ясностью, хотя сомнительная граница между различными типами действий остается: оно, это действие, может быть либо личным, либо ассоциативным, потому что элемент ассоциации, присутствуя в нем как рудимент, не может зачастую преодолеть границы чисто индивидуального поступка. Такая точка зрения, однако, нас не особенно здесь трогает; достаточно лишь прояснить момент, что социальная теория в первую очередь связана с проблемой человеческой ассоциации, но не обязательно с ассоциацией в форме государства, то есть она связана в целом с коллективной волей и действием.

Коллективная воля и коллективные действия, конечно, могут быть отвергнуты как базис человеческих институтов; но последствия такого отвержения более чем экстраординарны, и это при всем том, что почти все политические теоретики неприязненно относились к подобной трактовке данного базиса. Но даже те, кто подобно Гоббсу, был наиболее прилежен в конструировании (founding) своих концепций современных им обществ на базе Силы и Закона, все же искали подкрепления своих позиций, используя исконный потенциал, исходящий от общественных ассоциаций.

Следовательно, воображаемый гоббсовский социальный контракт [общественный договор], посредством которого люди коммуницируют друг с

другом, объединяясь своим волеизъявлением в социум, на деле только бы отчуждал их друг от друга, — как их самих, так и их потомков, оставляя их одинокими в проекте легитимизации общества. Поскольку в обосновании человеческой ассоциации Гоббс апеллирует только к нормам, а не к фактам, здесь не избежать обращения (invoking) к принципам человеческой воли, кроме тех, что утверждают, что король есть король по божественному праву и назначению, т.е. кроме тех, что апеллируют от воли человека к вездесущей и всемогущей воле Господа.

Всякий подход к демократии делает реальным и легитимизирует основания общества посредством объявленной воли его членов. Теория, базирующаяся на Силе и Законе, может незаметно привести к авторитарному обществу; но она и не способна пройти мимо возникновения демократического или даже аристократического сознания. Это — истина, но не только или главным образом потому, что воля конкретных людей или класса начинает влиять на положение дел в государстве; но еще более потому, что без санкции закона другие формы демократических или олигархических ассоциаций начинают употреблять власть каждая в своей области влияния, угрожая подвергнуть сомнению или в целом взять под контроль государство и узурпировать функции, которыми это государство располагает. Закон в прямом его значении исполняется судом и полицией, оставаясь при этом в руках государства; но другие его ветви (bodies), такие, как баронская ассамблея, церковь или тред-юнионы, конструируют конкретные положения и обеспечивают их гарантиями даже без помощи судей и полиции. Возможно, величайшим скандалом власти в наши дни будет то, если вдруг сами полицейские сформируют свой тред-юнион и установят в его узкой сфере свою легислатуру, исполнительную и судебную власть.

Такая общественная ситуация фатальна для политической теории старого типа. В то время как политические философы держались самых спекулятивных (high) теорий относительно концепции государства и отношения индивидуума к государству, мир вокруг них оброс целой сетью новых проблем, касающихся положения в обществе различных добровольных или инициируемых сверху ассоциаций, их отношения к национальному государству, их существования в форме международных объединений, их бурного размножения (multiplicity), возможности конфликта между обязанностями вовлеченных туда индивидов и их верноподданническим долгом. Короче, в то время как философы абстрактно обсуждали проблему государства и индивида, истинно творческая мысль двигалась в направлении дискуссии о функциональной организации общества и поднимала новые проблемы, касающиеся положения в нем личности.

Не последним сюрпризом было также и то, что под воздействием таких условий абстрактные политические теории различных школ становились бесплодными, и новые ростки (developments) мысли пробивались там, где про-

являла себя действующая ассоциация (functional association), а не в обычной философии или государственной теории. Отдельно от новых идей, относящихся к чистой психологии, существует три первопричины (sources) для социальной теории — церковь, промышленность и история. Соблюдающая публичное молчание, ослабленная конфликтами, начиная с семнадцатого столетия, церковь сегодня возвращает свое право говорить и даже право активно влиять на других людей. Она начинает реализовывать себя в качестве социального института и требовать право духовного самоуправления и духовной свободы (spiritual self-government and spiritual freedom) от государства. Книга Дж.Н. Фиггиса (J.N. Figgis) «Церкви в современном государстве» доказывает тезис, что церковь является одной из подталкивающих нас сил в направлении современной социальной теории.

Более диффузная, но более могущественная сила вырастает в индустрии. Большевики, синдикалисты, промышленники — последователи марксизма (Marxian Industrialist)⁴ — и коммунисты не просто призывают организации пролетариата к независимости от государства; они угрожают полностью разрушить его. Правы они или нет, но эти движения имеют силу, а их доктрины — значительное международное влияние. В то же время гильдейские социалисты, вдохновляемые соответствующей экономической и социальной обстановкой (conditions), проповедуют систему демократического самоуправления в промышленности и сообразную этим функциональным принципам трансформацию государства. Их доктрина действует и за пределами индустрии, хотя родилась непосредственно из промышленности. Она доходит в своем анализе до законченной (complete) социальной теории — социальной теории примерно того типа, что я хочу предложить далее в этой книге.

Наконец, существует история как источник, которая есть наше знание, которое вырастает из нашего прошлого, напоминая нам о другом, прошлом, идеале государства — государстве всезнающем, вездесущем, всеприсутствующем и всесуверенном, немного похожем на сознание мегаломаньяка, грандиозного сверхсущества с манией величия, но это уже немного вчерашний день истории, и государство здесь видится подобно совершенной, законченной скульптуре, хотя — с точки зрения современности — его следует скорее уподоблять молодому нуворишу наших дней, пусть с длинной и почетной родословной. Не только исследование средневековой истории, но и рост знания о ранних человеческих институтах служит подчеркиванию совместного характера различных форм человеческих ассоциаций как сущностной реальности, базирующейся на общей воле всех людей, ассоциаций, которые римское право признавало только как производные *personae fictae* [фиктивной

⁴ Вероятно, речь идет о промышленниках, использующих методы Р. Оуэна в управлении своими предприятиями. — Прим. переводчика.

личности]. Мы многим обязаны О. Гирке⁵ и Ф. Мэйтланду⁶ в нашем исследовании права; они позволили нам рассматривать его не только как служанку суверенного государства, но понять его более полно — в отношении назначения человеческих ассоциаций.

Наше исследование социальной теории будет начинаться, однако, не с государства и с других специфических форм ассоциаций, а с ассоциации как целостного образования и с исследования путей, посредством которых люди творят эти ассоциации как приложение или дополнение к их действиям в качестве частных или изолированных индивидов.

Здесь, однако, мы сразу же наталкиваемся на первую (immediate) трудность. Может ли семья трактоваться как ассоциация, или это часть структуры общества, неотличимая от индивидуумов, ее составляющих? Будет ли исследование семьи частью индивидуального или социального поведения? На эти вопросы очень нелегко ответить.

Я не предлагаю углубляться в историческое исследование семьи или затрагивать отношения, реальные или предполагаемые, между семьей и племенем (tribe). Я готов обсуждать эту тему, но не с исторической точки зрения, а только в отношении к настоящему и прошлому. Я еще раз могу заметить, что в предшествующие времена семья меняла не только свою природу и функции, но и свою структуру (composition) и это делало ее менее социальной и более личной (personal) единицей. Семья сегодня функционирует как единица или в персональном аспекте, или в аспекте очень малой группы, которые обыкновенно включают в себя одно домохозяйство. Семья, в смысле клана, включающая в себя относительно небольшую группу родственников по крови, не выживает в западных обществах как социальная единица. В примитивных цивилизациях, однако, она отчетливо и значимо существовала, но в форме скорее не личной, а коллективной единицы; но сегодня социальные функции клана перешли в другие руки, и семья осталась как частная группа, лишённая всех социальных функций, кроме рождения и воспитания детей. Воистину, здесь почти нет исключений! Правда, одно исключение всё же мы можем допустить для наших сегодняшних целей. Поскольку семья составляет один из фундаментальных оснований общества, в этом смысле она остается сама собой даже в современных условиях, внешних по отношению к общественному строю, и, в частности, она остается сценой для чисто личных контактов, сохраняя способность к организовыванию и представляя тем самым одну из социальных функций.

Для нее характерно быть неорганизованной единицей, неспособной к организованной координации с миром ассоциаций, который окружает ее; в

⁵ Гирке О. (Gierke O.) (1841-1921) — немецкий правовед, один из представителей «исторической школы права».

⁶ Мэйтланд Ф. (Maitland F.) (1850-1906) — английский историк и юрист.

ее функционировании «личное» важнее, чем «коллективное», а «индивидуальное» важнее, чем «ассоциативное». Это само по себе создает возможность семье быть сильнейшей из всех человеческих групп и определенно быть более постоянной; но как человеческая группа она гораздо более индивидуализирована, и не в меньшей степени ее сила кроется в том, что она как бы отчуждена от других групп, и остается, в значительной степени, изолированной в мире развивающихся взаимодействий. Ее члены активизируют выполнение своих гражданских, хозяйственных и политических функций, но не прямо через них, а, наоборот, посредством своих индивидуальностей, через удаление своих прошлых функций, например, через пренебрежение домашней индустрией, и они всё больше и больше акцентируют свои интересы на сфере исключительно личных привязанностей и контактов.

В прошлом некоторые социальные теоретики основывали свои глобальные (whole) теории на модели семьи (upon the analogy of the family) и этим настойчиво стремились объяснить весь широкий спектр явлений ассоциации и общности. Все такие объяснения кажутся сегодня очевидно ложными, и нет никакой нужды в них вдаваться. Безусловно, также необходимо заметить, что мы имеем здесь как раз тот случай, когда никакой фальшивой моделью нельзя причинить социальным теориям серьезный вред. Но снова и снова социальные теоретики, вместо отыскания и эффективного использования метода и терминологии соответственно методу и терминологии их исследования, предпринимают попытки выразить факты и ценности общества в понятиях теории иного типа или естественной науки (in terms of other theory or science). По аналогии с физическими науками они прилагают невероятные усилия к анализу и объяснению общества как *механизма*, или по аналогии с биологией настаивают на рассмотрении его как *организма*, или по аналогии с психологическими (mental) науками и подобного типа философией упорно утверждают, что рассмотрение общества должно быть построено по типу *личности*, иногда используя религиозную модель, в которой личность уподобляется Богу.

Такие разнообразные аналогии могут иметь различную степень ценности. Механическая и органическая модель одинаково пагубны без всяких уточнений, и обе они ведут теоретика к серьезным заблуждениям; обе они апеллируют к грубому материальному сходству, — это там, где следует улавливать тонкие ментальные или духовные подобия. Модель, вырастающая из психологии и зараженной психологизмом философии, менее вредна и она может быть вполне осмысляема, если не проталкивать ее слишком далеко; хотя ни для обществ, ни для различных ассоциаций, которые включают в себя «личности», подобный подход должен быть более «личностным», чем механическим или органическим.

Существуют, однако, очевидные и достаточно разумные причины, почему на подобных моделях нельзя глубоко продвинуться внутрь исследова-

ний человеческого общества. Каждой отдельно взятой сфере таких исследований соответствует свой собственный метод и своя терминология, и модели, выходящие за пределы своей области применения, не вызывают ничего кроме замешательства. Наша цель состоит не в том, чтобы знать, на что общество похоже, а в том, чтобы знать, что оно есть и как оно существует; и любые отсылки к другим, несоциальным, наукам здесь бесполезны.

Бесспорно, что метод социальной теории весьма близок методу этики и психологии. Эти два метода в самом реальном смысле взаимопересекаемы и дополняют друг друга, и только в этих двух отраслях знания мы находим полное знание общественных отношений (community). В некоторой степени они должны преследовать один и тот же метод, для того, чтобы их заключения оказались сопоставимы и соотносимы друг с другом. Таким образом, социальная теория имеет свою социальную психологию, свой описательный способ исследования взаимодействия людей в ассоциациях, и всё это некоторым образом имеет отношение и к социальной философии, хотя точно таким же путем индивидуальная психология взаимоотношается с моральной философией. Насколько такая параллель уместна, сказать сложно, так как социальная психология есть сравнительно молодая наука с еще неустоявшимся методом.

Но тот факт, однако, что социальная и моральная теория взаимно дополняют друг друга, а также то, что их конечная цель — изучение человеческого сознания (mind) в действии, демонстрирует, что обе теории должны располагать одним и тем же методом и по возможности использовать примерно одну и ту же терминологию. Даже если их сферы приложения различны, они все равно тесно переплетены между собой, хотя это переплетение и делает путаницу терминологии даже более вероятной, чем путаницу мысли. Так, если мы обозначаем ассоциацию как «личность», мы просто затушевываем разницу между личностью и ассоциацией, между личным и коллективным (associative) действием, на которой существенным образом базируется разделение между собой моральной и социальной теории. Такой подход может быть полезен юристам, чей объект может быть во всех случаях уподоблен группе людей или ассоциации [т.е. юридическому лицу. — Прим. переводчика] с соответствующим приложением к ним норм закона; но, очевидно, подобное недопустимо в социальной теории.

Мы должны — ради сохранения ценности наших рассуждений — в таком случае избегать аналогий или, по меньшей мере, следования терминологии, которая бы повлияла на наши аналогии. Мы должны адаптировать нашу собственную терминологию и сделать ее, по мере возможностей, отличимой от терминологии иных наук и направлений.

Я полностью сознаю, что еще не совсем определена почва для такого приспособления терминологии в направлении социальной теории — приспособления, где ясны и согласованы между собой все понятия. Это может быть сделано только частично, и ошибается тот социальный теоретик, кто недо-

статочно последователен в определении рамок (the boundaries) собственного исследования. Также следует признать, что перед нами — задача исключительной трудности, в силу того, что термины, употребляемые в социальной теории, есть слова повседневного пользования, и они особым способом сдвигают свои значения вследствие изменения условий их использования, и чем больше меняются эти условия, и чем больше ассоциации и институты, рассматриваемые социальной теорией, развивают новые функции и устраивают старые, тем более меняются их базовые характеристики и внутренняя структура. Например, различные «государства» сегодня сильно различаются между собой, и очень трудно найти определение, которое бы обнимало все возможные типы государств. Но «государства» различных эпох различаются между собой еще больше, и потому общая природа их обнаруживается очень непросто — посредством констатации скоротечно являющихся и исчезающих параметров.

Возможно, если покажется, что эта книга больше затрагивает вопросы терминологии, то это моя вина. Едва ли реально впасть в дискуссию относительно значения социальной теории без того, чтобы обнаружить раньше или позднее, что эта дискуссия будет клониться к разрешению проблемы слов, — не потому что слова и есть сама проблема, а потому что невозможно опуститься до реальных проблем, пока не будут разрешены понятийные. Мы не окажемся способны провести всякое исследование социальных феноменов и тем более дать объяснение их, пока мы не определим, насколько это возможно, проблему приписывания каждому понятию одного-единственного определенного значения, и пока мы не согласимся с тем, что это значение и есть единственное допустимое из всех значений. Потому вторая глава книги будет преимущественно рассматривать вопросы терминологии.

Однако до того как мы начнем обсуждение тех особенно дебатированных вопросов, которые нами были заявлены, было бы хорошо сделать максимально очевидным объект, который мы будем рассматривать в этой книге. Предмет социальной теории есть поведение ассоциативного человека (The subject-matter of social theory is action of men in association). Это достаточно очевидно. Но также ясно, что этот предмет может быть исследован с различных точек зрения. Отводя в сторону чисто историческое исследование, мы можем предложить здесь, по меньшей мере, три пути — вдобавок к многочисленным второстепенным возможностям (besides many subsidiary ways) — и, реализуя их, мы свяжем один фрагмент концепции с другим, и каждый из этих фрагментов будет бросать свет на другой; но сами задачи этих трех путей ясны и очевидны, хотя при сведении их в единое целое результат может оказаться различным. Мы должны ясно видеть возможное содержание этих трех путей исследований, при этом важно признать и принять во внимание сферу и пределы каждого из этих путей, особенно если мы рассматриваем их порознь друг от друга.

Первый подход к интерпретации сущности социальной теории заключается в исследовании и сравнении между собой реально существующих (actual) социальных институтов. Здесь мы тесно сближаем теоретическое исследование с историческим; наполнение данных требует привлечения материала исторических исследований. Антрополог или социолог, изучающий институты примитивных обществ (institutions of primitive mankind), историк-конституционалист, исследующий эволюцию государства и политической структуры общества, юрист, анализирующий эволюцию законодательства, церковный историк, изучающий рост и организацию церкви, — они все накапливают данные для их дальнейших обобщений (generalizations), уже на базе которых выводятся научные принципы человеческой организации. Исследователи, изучающие всякие характерные (representative) [для общества] институты — как, например, ранее Монтескье или Острогорский, — работают именно с таким материалом и делают отсюда выводы, представляющие некую объективную ценность. «Позитивная наука» об институтах есть именно такой объект научного исследования.

Второй подход делает акцент не на исследовании самих институтов, а на изучении мотивов и импульсов благодаря которым люди вовлекаются в социальные действия, используя в дальнейшем эти институты и ассоциации. В одном приближении (at one extreme) этот тип теории находит свое место в исследовании психологии «масс» или «толпы», импульсов и способов действия слабо (barely) организованной человеческой группы. В другом приближении, но с похожей точки зрения, этот подход исследует психологические аспекты более сложных и высокоорганизованных форм человеческой ассоциации и пытается, подобно психологии индивидуального поведения, сформулировать общие правила, которые управляют поступками ассоциативного человека, анализируя также пороки (diseases) ассоциаций, подобно тому, как индивидуальная психология исследует отклонения, встречающиеся у личности. Книга Роберта Михельса «Демократия и организация политических партий», возможно, есть лучший современный образец такого исследования в применении к нашим дням; но исконную форму (nucleus) такого исследования можно найти в «Общественном договоре» Руссо, где присутствует анализ как самого процесса управления, так и тенденций управляющих кругов (government) к вырождению.

Существует, конечно, и более основательная «социальная психология», которая на этих проблемах зарабатывает гораздо больше комиссионных, чем социальная теория. Подобно психологии в целом, социальная психология в лице своей профессуры постоянно обновляет научные данные, поставляемые ей примитивными обществами, и совершенствует свой анализ человеческих инстинктов и побуждений. Работа Грэхема Валласа⁷ «Человеческая

⁷ Валлас Г. (Wallas G.) (1852-1932) — английский социолог и политолог.

природа в политике» представляет собой что-то вроде введения в наиболее разработанную систему социальной психологии, которой автор пытается придать заверченный вид, не совсем удачно продолжив ее достраивать в другой своей работе — «Великом обществе». В Америке, однако, метод Валласа нашел множество последователей, и мы здесь ожидаем значительный подъем этой формы социальных исследований.

Третий подход к пониманию социальной теории — это тот самый подход, который ясно выразил Руссо в своей книге «Общественный договор». Суть его — не менее чем *обнаружение универсальных принципов общественной ассоциации* (the discovery of universal principles of social association) и в большей своей части касающейся ценностей, чем фактов, социальности (sociality). Он [Руссо] резко противопоставляет свой метод методу, имеющемуся у Монтескье: «Монтескье не имел намерения осмысливать принципы политического права; он позволял вводить в обращение позитивное право от уже имеющегося правления (government); и никакой второй путь здесь был невозможен».

Таким образом, с точки зрения Руссо, его подход, суть которого заключается в обнаружении универсальных философских принципов человеческой ассоциации, направленных скорее не на факты, а на *нормы* (right). Это было, говоря школьным языком, *нормативное*, а не позитивное исследование. Это было дополнением к этической философии и одновременно параллельная линия в отношении к ней, как исследование индивидуального поведения с моральной точки зрения, точно так же, как социальная психология, как исследование ассоциативной, коллективной деятельности с описательной, аналитической и компаративной точки зрения, соотносится с индивидуальной психологией, как изучение индивидуального психического действия. Далее, однако, параллель заканчивается вследствие различия между предметными областями. В случае социальных институтов имеется третий способ исследования, основывающийся на первом из вышеупомянутых подходов к социальной теории, который изучает и сравнивает имеющиеся (actual) институты и пытается достичь практических обобщений на этом фундаменте. В случае индивидуального поведения нет соответствующего третьего пути, если мы не согласимся прибегнуть к помощи наук, изучающих человеческий организм (human body), — физиопсихологии, физиологии и других подобных дисциплин. Но сделать это значит впасть в одну из опаснейших аналогий, против которой мы уже предостерегали выше. Реальные институты могут быть уподоблены, в определенном смысле, «телесной оболочке» общества, и они также могут быть рассмотрены в некотором смысле как «механизм». Но, строго говоря, общество не имеет «тела» и, как утверждал Герберт Спенсер, у него нет «обычной чувствительности». Институты, даже если мы отделяем их от мотивов, представленных в действиях, не есть ни организм, ни механизм. Если мы того пожелаем, мы можем употреблять термины «органы социального тела» или «механизм (machinery) общества», но мы должны ос-

терегаться таких фраз в случае, если они представляют собой нечто большее, чем метафоры, или основываются на заключениях, представленных в вышестоящей аналогии.

В моем подходе предмет исследования этой книги представлен как исконно философский. Я концентрирую свое внимание на социальной теории как *социальном продолжении этики* (social complement of ethics), используя в большей степени глагол «как должно быть», чем глагол «есть», и с вопрошанием, направленным более на нормы (right), чем на факты. Но это не означает, что желаемо или возможно отказаться от рассмотрения иных способов социального исследования, которые были нами здесь упомянуты. Описанная нами выше социальная психология предлагает, в частности, обязательный и безусловный материал для изучения социального поведения. Но разница состоит в том, что в отношении того специфического исследования, которое мы проводим, такая психология способна сформировать лишь частичный, а не полный и окончательный ракурс в направлении объекта нашего исследования, да еще разве что дать материал для нашей работы. Мы должны знать, как ассоциации и институты реально работают, как человеческие мотивы и их искривления (distortions) представлены в них, еще до того, как мы сформируем любое философское представление (conception) о принципах, приводящих их в работу. Следовательно, нам не следует подражать Руссо, восклицавшему: «Назад, от фактов!», даже если бы в наших заключениях взамен ускользающих от нас фактов остались лишь одни нормативные суждения (questions of right).

Перевод А.М. Орехова

П.К. ГРЕЧКО

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: ПРОБЛЕМА ДИСЦИПЛИНАРНОГО СТАТУСА

В современной науке много и справедливо говорят о междисциплинарных исследованиях. На стыке общественных, естественных и технических дисциплин возникают различные комплексные исследования, имеющие единую или сквозную проблематику. Среди прочего это означает, что наука ныне все больше и больше строится не по предметно-дисциплинарному, а по проблемному принципу. Главное — уловить и идентифицировать проблему, а уж из каких направлений, школ, дисциплин и какие конкретно методы для ее решения привлекаются, не суть важно. Приветствуется любая информация, пусть даже и из «Поля чудес», если только она работает на изучаемую проблему.

Сказанное, казалось бы, делает ненужными дисциплинарные демаркации в науке, всю эту цеховщину, все эти нескончаемые споры о дефинициях объектов и предметов анализа, о ведомственной принадлежности тех или иных «кусков реальности». Размежевание предметных областей исследования, по этой логике, даже вредно, поскольку оно возводит ненужные барьеры на пути свободного перемещения образов, идей, концепций, форм и методов познания. Некоторые авторы ставят даже вопрос о наступлении постдисциплинарного этапа в развитии научных дисциплин.

В действительности ситуация много сложнее. Междисциплинарность, проблемная структурализация познаваемого — лишь часть или одна сторона идущих в современной науке процессов. Обобщенно ее принято называть интеграцией. Другая, не менее важная (хотя можно сказать и больше — ведущая), их сторона — дифференциация, появление новых, все более узких, предметно, а также методически специализированных дисциплин и направлений. Встречаются, впрочем, и по-своему дифференцирующие исследовательские укрупнения, но они редки.

Дифференциация — это, по-другому, разделение труда в науке. Оно очень важно как для повышения эффективности исследовательской деятельности (общеизвестная зависимость), так и для ее полноты (выявления и «граничного» закрепления всех сторон изучаемой реальности). Нельзя не сказать в

Гречко Петр Кондратьевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии РУДН (Москва). Выполнено при поддержке РГНФ № 06-03-00543а.